

ЦИВИЛИЗАЦИИ И РАЗУМ

А.С. Майданов

Мифоведение и археология как взаимодополняющие и стимулирующие друг друга дисциплины

Статья посвящена взаимодействию мифоведения и археологии в процессе познания ими судьбы и жизненных путей одного из великих древних народов, предков современных индийцев и иранцев – ариев. Показывается, как обнаруженные археологические памятники помогают истолковать мифические образы и сюжеты, а с другой стороны, как содержащаяся в мифах когнитивная информация подсказывает науке цели, направления и возможные объекты её исследовательской деятельности. Характеризуется современное состояние взаимодополняющих исследований по этой проблематике, описываются используемые при этом подходы и методы, выдвигается идея разработки новой научной дисциплины – мифоархеологии.

Ключевые слова: эпистемология, археология, мифология, проблема, метод, информация, археологическая культура, мифический образ, мышление, интерпретация, эволюция, гипотеза, теория

Для понимания мифов требуются особые методы их истолкования и, прежде всего, методы выявления того содержания, которое можно рассматривать как когнитивную информацию, а также методы реконструирования стоящих за мифическими образами событий и явлений. Таким образом, проблема понимания мифов – это проблема подхода к ним как к источникам знания, проблема поиска реальных референтов, представленных эзотерическим содержанием. Применим эту установку к одному из центральных мифов великого памятника мировой литературы Ригведы (далее – РВ), созданной древнеиндийскими поэтами-риши, к мифу о демоне Вритре, о его злых деяниях и об убийстве этого демона богом грома и молнии Индрой. Задача состоит в том, чтобы показать, что

этот миф содержит богатую и чрезвычайно интересную с эпистемологической точки зрения информацию. Она касается крупного природного катаклизма, сильно повлиявшего на судьбу арийских племен, находившихся в Средней Азии примерно в середине второго тысячелетия до н. э. Для извлечения информации из этого мифа требуется новый по сравнению с применявшимися до сих пор в мифоведении подход к его истолкованию и комплекс специальных приемов его дешифровки. Анализ мифа с помощью этих средств позволит выявить те мыслительные операции, которые были использованы его авторами при отображении экстраординарного природного явления.

Содержание мифа

Этот миф имел такое большое значение для индоариев, занимал в их сознании столь существенное место, что его содержание многократно воспроизводится в РВ в разных вариациях. Приведем наиболее полную из них, изложенную в гимне РВ I, 32:¹

Индры героические деяния сейчас я хочу провозгласить:

Те первые, что совершил громовержец.
Он убил змея, он просверлил русла вод,
Он рассек недра гор.
Он убил змея, покоившегося на горе.
Тваштар ему выточил шумную дубину.
Как мычашие коровы, устремившись к телятам,
Прямо к морю сбегает воды.
Разъяренный, как бык, он выбрал себе сому,
Он напился сомы, выжатого в трех сосудах,
Щедрый схватил метательный снаряд – ваджру.
Он убил его, перворожденного из змеев.
Когда ты, Индра, убил перворожденного из змеев
И перехитрил хитрости хитрецов,
И породил солнце, небо, утреннюю зарю,
С тех пор ты уже в самом деле не находил противника.
Он убил Вритру, самого страшного врага, бесплечего,
Индра – дубиной, великим оружием.
Как ветви топором обрубленные,
Змей лежит, прильнув к земле.

Как плохой боец в пьяном угаре он вызвал
Великого героя, покоряющего силой, пьющего выжимки сомы.
Он не выдержал натиска его оружия:
Безликий от пролома, он раздавлен – тот, кому Индра враг.
Безногий, безрукий боролся он против Индры.
Тот ударил его дубиной по спине.
Вол, хотевший стать противником быка,
Вритра лежал, разбросанный по разным местам.
Через него, безжизненно лежащего, как раскрошенный тростник,
Текут вздымаясь воды Ману.
Те, кого Вритра некогда с силой сковывал,
У их ног лежал теперь змей...
Проход для вод, который был заткнут, –
Он открыл его, убив Вритру...
Индра – царь движущегося и отдыхающего,
Безрогого и рогатого, громовержец.
Это он как царь правит народами.
Как обод – спицы колеса, он охватил их всех².

В этом гимне далеко не все понятно. Комментаторы РВ обращают внимание на наличие в нем ряда темных мест. Понять гимн можно, если удастся уяснить, какая реальность отображена в нем в мифической форме. Таким образом, проблема сводится к нахождению способа истолкования мифа, его дешифровке. Нас не может удовлетворить непосредственно воспринимаемое содержание мифа. В этом случае оно приобрело бы характер сказки, созданной исключительно для того, чтобы вызвать эстетический, эмоциональный эффект. Но функции мифа шире, кроме такого эффекта он всегда имеет прагматическую значимость, касается какой-то важной стороны в жизни социума. Это качество он может иметь только тогда, когда в нем заключено какое-то реальное содержание. Задача и состоит в том, чтобы за внешней формой, которая является для нас не чем иным, как метафорой, найти реальное содержание, благодаря которому миф и становился значимым для практически ориентированного сознания архаичных людей. Можно сказать, что миф своими специфическими средствами всегда решал какую-то реальную практическую или познавательную задачу. Поэтому он имеет двойную структуру – реальное ядро и внешнюю, измышленную фантастическую надстройку или оболочку. Что же может представлять собой реальное ядро мифа о Вритре? Другими сло-

вами, какое знание можно извлечь из этого творения арийских мудрецов? Можно предположить следующее: поскольку данный миф занимает одно из центральных мест в древнеиндийской мифологии, то следовательно, он должен был отобразить какое-то крайне важное явление или событие в жизни ариев.

Космогонические трактовки

В мифоведении наиболее распространен именно этот подход к толкованию данного мифа. Его суть состоит в том, что сражение Индры с Вритрой трактуется как действия демиурга, победившего силы хаоса и инертности и создавшего организованный космос. Эту трактовку разделял известный религиовед Мирча Элиаде. В его работе «Пролегомены религиозного дуализма: диады и противоположности» мы читаем: «В ведийской мифологии доминирует тема борьбы между Индрой и драконом Вритрой. Я уже указывал на космогоническую структуру этого мифа. Освобождая воды, заточенные Вритрой в горах, Индра спасает мир; символически он создает его заново. В других вариантах мифа обезглавливание и рассечение Вритры на части выражает переход от виртуальности к актуальности творения, поскольку Змея – символ неявленного. Будучи мифом-образцом эта борьба между Индрой и Вритрой служит моделью для других форм творения и многих видов деятельности»³.

Одним из наиболее страстных приверженцев космогонического подхода был известный голландский индолог Францискус Бернардус Якобус Кёйпер. В статье «Основополагающая концепция ведийской религии» он писал: «Ключ к проникновению в эту религию нужно искать, я полагаю, в ее космогонии, т. е. в мифе, который рассказывает нам о том, как некогда стал существовать мир. Первостепенное значение этому мифу придавал тот факт, что всякий важный момент жизни рассматривался как повторение этого изначального процесса. Таким образом, миф был не просто рассказом о том, что случилось давным-давно, и не умозрительным объяснением того, как этот мир стал тем, что он есть. Происхождение мира явило собой прототип бесконечно повторяемого процесса постоянного обновления жизни и мира»⁴.

Немецкий исследователь древнеиндийской мифологии Г.Людерс представлял Вритру как дракона, который проглотил своего рода каменный ларец, или сосуд. В этом каменном затворе заключен замкнутый небесный океан, в котором находятся воды, сома и звезды. Индра в битве с Вритрой стремится разбить каменный сосуд и освободить небесные воды⁵. Кёйпер положительно относится к такой трактовке, подчеркивая, что Людерс правильно понял ситуацию сражения Индры с драконом⁶.

Таким образом, Людерс переносит события, описываемые в мифе, в пространство космоса и связывает их с началом творения мира. Так же поступает и Кёйпер. Но он строит другую картину этого события и притом разработанную более детально. Вот истолкование Кёйпером мифа о Вритре, который для него является мифом о творении.

В начале была лишь вода. Эти изначальные воды несли в себе семя жизни. Со дна поднялся небольшой комок земли, затем он расширился и стал горой, началом Земли. Мир был еще нерасчлененным единством. Никаких контрастов, характеризующих наш явленный мир, тогда еще не было. Не было ни неба, ни Земли, ни дня, ни ночи, ни света, ни тьмы. Состояние нерасчлененного единства внезапно кончилось на второй стадии космогонического процесса, начавшейся с рождения бога Индры за пределами изначального мира. В мире неорганизованной материи он начинает процесс (демиургический акт), благодаря которому мир потенциальный становится миром реальным. Демиургический акт Индры состоит из двух различных частей. Во-первых, холм, который все еще плавает на изначальных водах, должен быть расколот до основания и вскрыт. Однако в нем заключена значительная сила сопротивления, и героическая борьба Индры, хотя она иногда описывается как направленная против холма, чаще направлена против этой силы, обозначаемой словом *wrtra*. **Wrtra означает «препятствие, сопротивление».** В мифе сила сопротивления олицетворяется драконом. Индра убивает дракона, и из холма вырывается жизнь в двух формах – воды и огня. Вода представлена четырьмя реками, струящимися с вершины холма в четырех различных направлениях, а огонь – солнцем, поднимающимся из холма и из вод. Холм начинает расти во все стороны, пока не достигает размеров земли. В то же время он остается центром космоса и гвоздем, который при-

крепляет Землю к своему месту. Что касается второй части деяния Индры, то Индра здесь функционирует в качестве столба, поддерживающего небо, лежавшее до тех пор на Земле. Таким образом, космическая гора не только была местом, откуда произошла Земля, но также стала функционировать в качестве «колышка», обеспечивавшего земле твердую опору⁷.

Толкование Кёйпера вступает в противоречие со многими элементами содержания мифа. Подняв значение этого мифа до уровня картины творения мира, увлекшись описанием грандиозного космогонического процесса, он тем самым заслонил сам себе те моменты в мифе, которые свидетельствуют о том, что этот мир, согласно содержанию всей Ригvedы, уже давно сотворен, что уже существуют многие его элементы, в том числе и Земля.

Игнорирует эти моменты и американский исследователь У.Норман Браун. Он представляет Вритру одним из факторов, препятствовавшим возникновению Вселенной. Согласно его интерпретации данный миф отображает следующие представления древних о космогоническом процессе. В начале всего существовал хаос. В нем наличествовали все элементы, необходимые для сотворения Вселенной, но они оставались в неупорядоченном и бездеятельном состоянии. Космические воды и солнце были заточены или окутаны неким твердым покровом, символизируемым в мифе Вритрой. Небо и Земля также уже существовали, но еще не были разъединены друг от друга. Мир в целом пребывал в застое. И это продолжалось до тех пор, пока Небо и Земля не породили некую активную силу, олицетворенную Индрой. Эта сила разъединила Небо и Землю и заполнила собой пространство между ними. Затем с помощью подвижного огня сила преодолела инерцию хаоса, пронизала твердую оболочку (Вритру) и опорожнила хранилище, заключавшее в себе воды и солнце. Все части Космоса были приведены в порядок, был создан организованный мир⁸.

Перенос Норманом Брауном событий мифа в Космос так же вступает в острое противоречие с множеством земных явлений, содержащихся в этом мифе, а потому оставляет проблему адекватного истолкования данного повествования нерешенной. Нужно обратиться к этим элементам мифа и путем их анализа поискать более адекватные референты мифических образов.

Хтонический подход⁹

Эти элементы наводят на мысль о необходимости иного, противоположного подхода к трактовке данного мифа, а именно подхода к описываемым в нем событиям как событиям, происшедшим на Земле, притом на уже давно существовавшей Земле. Выделим из мифа элементы, которые бесспорно свидетельствуют именно об этом. Данные элементы кроме того позволят нам показать реальность лежащего в основе мифа действительно грандиозного, но однако земного происшествия. И здесь мы обратимся к объектам земного происхождения – к археологическим памятникам. В итоге помимо прочего станет ясным, что нарисованная Кёйпером картина на деле представляет собой не трактовку мифа о Вритре, а сама по себе является новым мифом, далеко отошедшим от земного характера содержания мифа РВ и представляющем еще один вариант панорамы миротворения.

Авторы РВ характеризуют Вритру как «запруду рек» (III, 33, 6), «скалу-плотину» (IV, 18, 6). Само слово «*Witra*» буквально означает «затор», «преграда», «препятствие». У нас нет оснований не воспринимать эти значения в прямом смысле и придавать им какой-то космический смысл. Они могут отражать вполне естественное событие, которое с огромной долей вероятности могло произойти в том крае, где тогда находились арии, – в Средней Азии. Исползованные по отношению к Вритре эпитеты – бесплечий, безрукий, безногий – как раз и могут быть применены к запруде, к плотине. Именно в месте запруды могли быть такие явления, о которых говорится в мифе, как появление бурных потоков (I, 52, 2). Этот признак позволяет авторам мифа назвать Вритру «бушующим» (I, 80, 5), «шипящим» (I, 61, 10), «ревушим змеем» (VI, 17, 10).

Вритру поэты характеризуют самыми уничижительными эпитетами. В них они выражают свое крайне неприязненное отношение к этим явлениям, ставшим для них злом, помехой в осуществлении жизненно важных и больших целей. Вритра для ариев – лежащий беззаботно змей, могучий зверь (V, 32, 2–3), безбожный (I, 32, 6), самый низкий из всех существ (V, 32, 7), наполненный яростью (V, 32, 4), ненасытная пасть, безногий злоречивый пожиратель (V, 32, 8), фыркающий глотатель (V, 29, 4). Такое амораль-

ное чудовище, естественно, не могло быть зачатком Земли, чем считал Вритру Кёйпер. Земля же ариями, напротив, сама считалась божественным явлением. И такое явление ведийские риши производили не от какого-либо демона, а от человека-великана, о чем говорит миф о Пуруше.

О том, что Земля, вопреки суждениям Кёйпера, не была создана из Вритры, свидетельствуют еще и те места в гимнах РВ, из которых явствует, что Земля существовала до Индры и Вритры со всем многообразием находящихся на ней существ и предметов. Индре не нужно было творить Вселенную и Землю из некоего первичного холма. Когда он рождался, они уже были.

Неодолимого, грозного, одолевающего в сражениях,
При рождении которого широкоотекущие
Реки, дойные коровы взревели вместе,
Небеса и земли взревели (VIII, 70, 4).
Все плотины и многочисленные потоки,
Небо и земля сотрясались из-за громадного при его рождении:
Ведь неистовый обеих матерей (небо и землю. – А.М.) уносит от быка.
Словно мужи, шумели ветры по всей округе (IV, 22, 4).

Земля была во всем своем облике (с морями, горами, реками, животными) и в тот момент, когда Индра боролся с Вритрой.

Он сотряс мощно землю, основание,
Словно ветер – воду, Индра своими силами.
Твердыни сдавил он, играя силой.
Он отсек вершины гор (VIII, 6, 16).

Все объекты, которые перечисляются в приведенных строках, характерны для Земли, что служит еще одним подтверждением земного характера событий, описываемых в данном мифе.

Установив, что событие, связываемое с Вритрой, представляет собой чисто земное явление и есть не что иное как огромная запруда, перегородившая большую реку, мы вправе предположить, что вслед за этим должно было произойти и другое такое же земное явление – наводнение, притом огромных масштабов. С другой стороны, ниже запруды должно было прекратиться течение вод. Это вызвало бы засуху и опустошение на землях, ранее обводняемых речными водами. Поищем подтверждения этим предположениям в гимнах РВ.

Запруды образовала «гора великая, широкая» (I, 57, 6). «Скованными» оказались семь рек (IV, 28, 1). По выражению поэта «воды стояли, скованные, как коровы» (I, 32, 11).

Как одна запруда могла перекрыть сразу семь рек? Реки слились в единый поток и перестали течь «по отдельности» (II, 17, 3). На большом пространстве стояли «великие воды» (VIII, 3, 15). Они уже не текли, как прежде, в море. Это был «замкнутый», «великий скованный водопад рек» (VI, 17, 12). Воды стали растекаться по земле (III, 31, 16; IV, 30, 12). **Разлив вод был настолько обширным**, что один поэт назвал его океаном (I, 174, 9), другой говорил фактически о потопе, когда называл этот разлив «водами Ману» (I, 32, 8). Как известно, в индийской мифологии с именем Ману связана легенда о потопе, от которого спасся только один этот человек, ставший прародителем ариев. Так что «воды Ману» – это синоним потопа. Ниже запруды, напротив, вод не было, там от отсутствия влаги страдали «жаждущие пустыни и поля» (IV, 19, 7).

Нарисованная картина выглядит вполне возможной в действительности. Поэтому можно говорить, что РВ в данном случае воспроизводит ситуацию не мистического, а реального катаклизма. Аналогичная картина описана в зороастрийских текстах, прежде всего в «Авесте». Как известно, иранцы, исповадавшие зороастризм, были ответвлением когда-то единой индоиранской общности, заселившей в середине второго тысячелетия до н. э. Западный Казахстан и Среднюю Азию. Затем эта общность разделилась на индоариев, переселившихся в Индию, и иранских ариев, ушедших на иранское нагорье. Последние унесли с собой много мифов от своих общих предков. Среди этих мифов оказался и миф о великом разливе рек. Его описание очень сходно с описанием РВ. Представлено оно, правда, другими персонажами и образами.

Для понимания этих персонажей и образов обратимся к археологии.

Поиск прототипа Вритры

Для решения этой задачи прежде всего нужно определить реку, на которой мог произойти описываемый в РВ катаклизм. В этой книге говорится, что Вритра лежал «на великой реке» (II, 11, 9).

Такой рекой здесь была Амударья. Кроме того в РВ указывается еще один признак этой реки: освобожденные Индрой воды потекли к морю. Действительно, Амударья течет к морю – Аральскому. Обратимся к другому источнику – к Авесте. В ней описывается дельта той реки, на которую пошел авестийский герой-воитель Кэрсаспа, чтобы убить змея Гандарву, т. е. Вритру:

Из края в край волнуется
Все море Ворукаша
И волны в середине
Вздымаются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардви
Всей тысячью протоков
И тысячью озер... (Ардвисур-яшт. 4)¹⁰

Ардвисурой в древнеиранских текстах называлась Амударья. Картина, изображенная в приведенных строках, полностью совпадает с тем, как выглядит дельта Амударьи.

Но теперь нужно доказать сведениями не из мифов, а из других более достоверных источников, в том числе научных, что именно на этой реке образовалась когда-то запруда и вызвала тяжелые для людей последствия. Такие сведения могут содержаться в сочинениях древних авторов. И действительно, у некоторых из них, начиная с греческих историков Геродота и Ариостобула (V–IV вв. до н. э.) и кончая арабскими и персидскими географами (X–XIV вв. н. э.), мы находим сведения о реках Средней Азии и в том числе об Амударье, которые являются важными для исследования нашей проблемы¹¹. Наше внимание привлекают прежде всего указания на то, что в древности Амударья не раз меняла направление своего течения: она впадала то в Каспийское, то в Аральское море. Какая причина заставляла ее делать это? Не появлялись ли на ее пути какие-нибудь преграды, наподобие запруд и т. п.?

Более информативным в этом отношении является рассказ о характере ее течения, который мы находим у хорезмийского энциклопедиста Абу Рейхана аль-Бируни (973–1048 гг.). Он родился и жил некоторое время в Хорезме, находящемся в дельте Амударьи, изучал эту реку, ее историю. В сочинении Бируни «Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пун-

ктами» (1018 г.), мы узнаем о чрезвычайно беспокойном характере Амударьи, энергично перемещавшейся в давние времена по пустыням Средней Азии, переходя от одного моря или впадины к другому морю или впадине. Прочтем это место, обращая внимание на неоднократные повороты реки под влиянием различных препятствий. В этом фрагменте Бируни использует арабские и тюркские названия мест, которые нужно предварительно прояснить. Амударья называется Джейхуном; Каспийское море – Гирканским, Хазарским или Джурджанским; Хиз Танкизи – озеро Сарыкамыш, находившееся к западу от Амударьи; Друрджан, Хазар, Балхан – города у Каспийского моря. Земм, Амуйе – города на Амударье; Маздубаст – древнее сухое русло Узбой. Бируни в начале этого фрагмента говорит о «рыбьих ушах». Это встречающиеся в пустыне Каракумы ракушки, которые свидетельствуют о том, что здесь когда-то были стоячие воды. В текст фрагмента я вставляю в квадратных скобках несколько фраз с целью облегчить его понимание. Итак, вот какую картину переменчивой Амударьи нарисовал Бируни.

«Мы можем найти камни наподобие тех, в середине которых содержатся “рыбьи уши”, в песчаной пустыне, находящейся между Джурджаном и Хорезмом. В прошлом она походила на озеро вследствие того, что русло Джейхуна... проходило по ней к Хазарскому морю через город, известный под названием Балхан. Так, Птолемей упоминает в книге “География” место впадения этой реки, говоря, что она впадает в Гирканское, то есть Джурджанское море. Сейчас между нами и Птолемеем приблизительно восемьсот лет. В те времена Джейхун проходил через эту местность, являющуюся ныне пустыней, отклоняясь от места, находящегося между Земмом и Амуйе; он орошал бывшие в ней города и селения вплоть до Балхана и впадал в море между Джурджаном и Хазаром.

Затем оказались у Джейхуна преграды, отчего вода его уклонилась к окраинам земли гузов [т. е. к Аральскому морю], но преградила ему путь гора... Сикр аш-Шайтан. Вода скопилась и вышла из берегов, так что следы ударов волн сохранились на верхней части этой горы. Когда же вода превзошла пределы тяжести и напора, выдерживаемого этими расшатавшимися скалами, она прорвала и прорезала их приблизительно на расстояние одного пере-

хода. Затем Джейхун свернул вправо, в сторону Фараба... [т. е. к Сырдарье]. Люди построили по обоим его берегам свыше трехсот городов и сел, развалины которых сохранились доныне.

Вскоре воспрепятствовало этому течению то же, что воспрепятствовало и первому. Оно оказалось прегражденным, и вода отклонилась влево к земле печенегов по руслу, известному под названием Вади Маздубаст [т. е. по сухому руслу Узбой], проходящему по пустыне, которая находится между Хорезмом и Джурджаном. Это русло вызвало процветание многочисленных участков в течение продолжительного времени, но опять опустело. Жители этих участков переселились на берег Хазарского моря, а они – род аланов и асов, и язык их теперь составлен из хорезмийского и печенежского.

Затем вся вода потекла в сторону Хорезма, тогда как ранее протекали к нему лишь ее остатки, просачиваясь через место, запруженное скалами, которое ныне находится в начале Хорезмийской равнины. Вода прорвалась сквозь скалы и затопила эту местность, превратив ее, начиная отсюда, в озеро. Вследствие обилия и быстроты течения вода Джейхуна стала мутной из-за несомого ею ила. При расширении русла она стала осаждать содержащуюся в ней почву; постепенно в устье стала нарастать земля, и стало оно сушей. Озеро стало отступать, пока не показался из воды Хорезм целиком, Удаляясь, озеро достигло горы, преградившей ему путь. Оно не смогло сдвинуть ее и отклонилось к северу, к земле, которую сейчас населяют туркмены [т. е. снова к Аральскому морю]. Между этим озером и тем, которое образовалось у Вади Маздубаста, небольшое расстояние. Последнее же озеро стало грязевым непроходимым солончаком, называемым по-туркски “Хиз танкизи”, т. е. “Море девицы”¹².

В этом отрывке короткими штрихами намечены основные изменения течения древней Амударьи. Река, быстро стекая с гор и проходя по пустыням Каракум и Кызылкум, по меньшей мере два раза поворачивала в сторону Каспийского моря и столько же раз в сторону Арала. При этом нужно обратить внимание на то, что она на пути к Аральскому морю прорезала две горы, образовав в них относительно узкие теснины. Они действительно существуют. Одна из них, которую Бируни называет Сикр Аш-Шайтан, это современное ущелье Дюль Дюль-Атлаган. Она находится примерно в 560 км к югу от моря. Ниже по реке через 45 км находится другая теснина, которую также прорезала Амударья. Это ворота Тюяму-

юн. Высокие скалы сжимают ее, образуя петлю. Дальше, согласно Бируни, Амударья натолкнулась еще на одну гору, но ее уже не смогла рассечь. Та оказалась значительно масштабнее, так что реке пришлось огигать ее. Есть в действительности и эта гора. Это массив Султануиздаг, из-за которого Амударья вынуждена была повернуть направо. Но как она дальше продолжала свой путь, ведь там тоже нужно было как-то прокладывать русло? Вот здесь мы подошли к сердцевине загадки о демоне Вритре. Но чтобы разгадать ее, нам нужны более полные сведения.

Их мы находим в научных трудах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Эта экспедиция советских археологов, геоморфологов и географов начала свою работу в южном Приаралье в 1937 г. и проводила ее с перерывом во время Великой Отечественной войны в течение 60 лет. Ее задачей было изучение истории орошения в данном регионе и, конечно, исследование существовавших здесь в далеком прошлом культур, сложившихся в III–I тысячелетиях до н. э. **Руководителем экспедиции был выдающийся археолог, впоследствии член-корреспондент АН СССР С.П. Толстов.** Открытия, сделанные этими учеными, представляют собой одно из блестящих достижений археологии и палеогеографии. Результаты их работы отражены в более чем тридцати томах научных материалов и трудов. Особенно плодотворными были годы с 1952-го по 1957-й, когда благодаря раскопкам в дельте Амударьи были открыты суярганская и тазабэгъябская археологические культуры, которые имеют отношение к истории ариев¹³.

В результате долгих и масштабных исследований экспедиции помимо сказанного удалось реконструировать всю историю Амударьи, восстановить картину создаваемых ею дельт и тем самым воспроизвести географические и экологические условия, в которых проходила здесь во втором тысячелетии до н. э. жизнь пришедших сюда из Приуралья и Казахстана арийских племен, направившихся затем дальше на юг – в Индию. В этой картине и можно, как я полагаю, найти материал для истолкования мифа о Вритре. Для этого будут использованы работы С.П. Толстова, М.А. Итиной, А.С. Кесь, Б.В. Андрианова, А.В. Виноградова и др.¹⁴.

В далеком прошлом в течение нескольких миллионов лет Амударья впадала в Каспийское море. Но это она делала в разных местах. Особенностью ее течения было то, что она непрерывно

перемещалась по пустыне Каракум с юга на север, меняя тем самым место своего впадения в море. Такое необычное поведение реки объясняется тем, что ее воды насыщены большим количеством аллювия, который откладывается в виде наносов в ее русле и тем самым загромождает путь реке, так что она вследствие этого перемещается в сторону и начинает формировать новое русло. Так продолжалось до верхнего плейстоцена (примерно 15 тыс. лет назад), когда своими наносами Амударья настолько основательно перегородила себе путь к Каспию, что вынуждена была повернуть на север и потекла в сторону Хорезмской впадины. По дороге она пробуравила две горы и образовала названные выше ущелья. Заполнив впадину, река натолкнулась на кряжи Султануиздага и не смогла течь дальше прямо на север. Тогда она начала пробиваться восточнее этих гор через пески Кызылкума и проложила через них длинный коридор. Пройдя по нему, река стала веером растекаться по этой пустыне, направляясь к следующей впадине – Аральской. В ней начало формироваться Аральское море. На территории же Кызылкума севернее коридора возникла широкая дельта со множеством русел, протоков между ними, стариц. Когда сюда из Хорезмской впадины ушла основная масса воды, то там река также образовала такую же широкую дельту. В результате этих процессов возникли две дельты – южная (на территории Хорезмской впадины) и северная (непосредственно перед Аральским морем), которые были соединены упомянутым коридором. Вся эта система имела в длину с юга на север от современного города Турткуля до Арала около 270 км. С запада на восток в самых широких местах она достигала 90–120 км. Обе эти дельты вместе назывались Акчадарьей. Южная дельта также состоит из большого количества русел, протоков и стариц, т. е. имеет вид, описанный в Авесте и в РВ. Процесс образования Акчадарьи проходил в конце плейстоцена (около 15 тыс. лет назад). В этом виде дельта существовала до начала голоцена (примерно до седьмого тысячелетия до н. э.). Тем временем несомый рекой аллювий интенсивно откладывался и здесь, так что он перегородил Акчадарьинский коридор образованной им запрудой. Река и здесь сама себе перекрыла путь. Северная дельта осталась без воды, тогда как в южной обводненность существенно повысилась. Излишки воды начали пробиваться через возвышенности лежащего к западу плато Устюрт к третьей крупной

впадине – Сарыкамыш. По пути к нему река снова проложила множество русел и протоков, образовав новую дельту – Присарыкамышскую. Заполнив эту впадину, вода потекла из нее на юго-запад в Каспийское море, образовав реку Узбой. Но постепенно и здесь наносы совершили свое дело, перекрыв путь воде к Сарыкамышу. И тогда она, скопившись в большом количестве в Хорезмской впадине, прорвала запруды в Акчадарьинском коридоре, наполнила русло и протоки северной дельты и потекла снова в Арал. Это произошло на рубеже III и II тысячелетий до н. э. Иссохшие земли снова получили воду. Акчадарья стала интенсивно заселяться людьми. Из южных земледельческих районов Средней Азии пришли племена, положившие начало новой культуре – суярганской. В середине II тысячелетия до н. э. здесь появились многочисленные племена скотоводов из западного Казахстана, южного Приуралья и Поволжья. Это были носители андроновской и срубной культур, которые большинством исследователей отождествляются с индоиранцами, т. е. ариями¹⁵. Смешавшись с местными аборигенами, эти племена создали тазабагьябскую культуру, от которой осталось много археологических памятников¹⁶, дающих важную информацию об образе жизни ариев на Акчадарье.

Во время их пребывания здесь водный режим Акчадарьи менялся не один раз. Были крупные подтопления. Это могло быть следствием полного запрудения выхода из южной дельты, что в свою очередь могло приводить к безводью в северной дельте. Такая ситуация вынудила бы людей покинуть эти места. И действительно, такой факт установили археологи. Участники Хорезмской экспедиции М.А.Итина, Б.В.Андрианов и Т.А.Жданко пишут об этом так: «Чрезвычайно важным наблюдением является тот факт, что в южной части северной дельты... совершенно не зарегистрировано ни тазабагьябских, ни тазабагьябско-суярганских, ни позднесуярганских стоянок. То же самое мы должны сказать в отношении Акчадарьинского коридора на юге... Тщательность двукратного исследования этого района делает несомненным тот факт, что начиная со второй половины второго тысячелетия этот район не был обитаем человеком. ...Возможно, что это связано с новым заносом русел этой части Акчадарьи аллювиальными отложениями...»¹⁷. С.П.Толстов подчеркивает, что в середине 2 тысячелетия до н. э. в южной дельте происходили крупные периодические подтопле-

ния. Так, культурные слои всех раскопанных жилищ были перекрыты мощной суглинистой линзой, образовавшейся в результате затопления этих жилищ и долгого стояния в них воды¹⁸. Спустя некоторое время избыточная обводненность начала сокращаться, что могло произойти в результате произошедшего прорыва вод через запруды в Акчадарьинском коридоре и начавшегося вследствие этого стока огромного массива вод в многочисленные русла и протоки северной дельты и далее в Арал. На освободившуюся от воды поверхность южной дельты и на вновь обводненную северную дельту пришли с северо-запада индоиранские племена, начали заниматься скотоводством и примитивным земледелием. По берегам русел и протокам появилось множество стоянок.

Впечатляющую картину прорыва запруды и бурного течения вод через нее к морю наблюдали, по-видимому, арийские поэты и отобразили в гимнах. Да, именно об этом земном явлении, а не о явлении в надземном мире идет речь в следующих стихах:

Он (Вритра. – *А.М.*) не выдержал натиска его оружия:
Безликий от пролома, он раздавлен – тот, кому Индра враг (I, 32, 6).
Он (Индра. – *А.М.*) убил змея, пустил течь семь рек,
Раскрыл отверстия, которые были словно запорты (IV, 28, 1).
Великий скованный водопад рек,
Замкнутый, ты выпустил течь – волну вод.
По их отлогим руслам, о Индра, по их пути
Ты пустил течь вниз деятельные воды в океан (VI, 17, 12),
Освобожденные Индрой, стоящим на колеснице, правящим
булаными конями,
Мчатся вперед живые реки к общей цели, но по отдельности (II, 17, 3).
Он наполнил влагой жаждущие пустыни и поля (IV, 19, 7).
Так как, о Индра, земля увеличилась в десять раз,
И все дни распространялись народы,
То твоя знаменитая сила, о щедрый,
Мощью и разрушительностью стала равной небу (I, 52, 11).

Появление новой научной дисциплины

Аналогичную проблему (хотя и более масштабную) и сходным методом («от мифа через гипотезу к исследованию реальности») решал американский исследователь Брюс Массе из Лос-

Аламосской Национальной Лаборатории. Его задачей было установление причины Всемирного потопа. Анализ 175 легенд и мифов разных народов убедил его в реальности этого потопа, позволил выявить ряд вполне возможных реалистических моментов этого события. Катастрофа началась сильнейшей атмосферной бурей, предварявшейся во многих местах сейсмическими сотрясениями и пожарами, сопровождалась черным небом, грозой, многодневным проливным дождем, гигантскими волнами и закончилась наводнением, погубившим большую часть тогдашнего населения земли¹⁹. Эти сведения позволили Брюсу Массе выдвинуть гипотезу о падении в океан огромной кометы, ставшей причиной этого бедствия. Ее взрыв испарил и выбросил в атмосферу большое количество морской воды, которая вскоре начала выпадать в виде непрерывного дождя. Группа ученых приступила к эмпирической проверке этой гипотезы и нашла немало оставшихся с тех пор следов на поверхности земли и в океане, в том числе кратер на его дне. Метод оказался продуктивным и позволил установить связь между мифологическим восприятием и отображением действительности, с одной стороны, и научным, с другой, подтвердив когнитивную ценность мифических образов. Этот метод пригоден для дешифровки мифов.

Исследователи, занимающиеся эмпирическим изучением соответствующих процессов и явлений, прежде всего археологи, используют противоположный метод – «от исследования реальности к соотнесению его результатов с мифами». Данный метод помогает решить задачу реконструкции социально-духовной надстройки над памятниками материальной культуры. В случае с историей ариев они с необходимостью пришли к привлечению текстов РВ и Авесты для воссоздания социального и идеологического смысла этих памятников.

В обоих случаях мы имеем дело с взаимодействием по меньшей мере двух наук. В случае Брюса Массе это мифоведение и геология. Сотрудничество этих наук породило новую междисциплинарную область знания. Массе назвал ее мифогеологией. В случае с мифами РВ во взаимодействие вступают мифоведение и археология. Этот синтез порождает другую комплексную дисциплину, которую можно назвать мифоархеологией.

Расширение масштабов взаимодействия мифоведения и археологии

Рассмотрим эту проблему на более общем, можно сказать, фундаментальном вопросе индоиранской мифологии – вопросе о прародине ариев. Сами арии называли эту прародину Арианам-Вайджа, что значит на авестийском «Арийский простор».

Проводимые по данной проблематике исследования как в нашей стране, так и за рубежом отличаются довольно высокой интенсивностью. Применяется большое число методов, привлекаемых из разных научных дисциплин. Наблюдается тесное сотрудничество специалистов из разных стран. В целом это обеспечивает большую результативность такой работы. Решаются многочисленные проблемы, возникают новые направления исследований, совершаются неожиданные открытия. Познавательный процесс характеризуется большим динамизмом и плюрализмом разных подходов и точек зрения. Исследователи стремятся обобщить получаемые частные результаты, синтезировать их в определённые целостные концептуальные структуры. Из числа направлений исследований следует выделить два наиболее важных. Это мифоведческое и археологическое. При этом используются два типа методов – методы гуманитарных и естественнонаучных исследований. Вместе они образуют эффективное методологическое единство и функционируют во взаимном дополнении друг к другу. Из круга естественнонаучных методов широко используются такие, как наблюдение, аэрофотосъёмка, радиоуглеродный метод датирования археологических памятников и др. Так, например, с помощью аэрофотосъёмки был открыт знаменитый археологический памятник – городище Аркаим. Е.Н.Черных активно использует различные методы исследования металлургического производства и анализа металлических изделий, что позволило ему сделать ряд важных открытий, касающихся металлургии бронзового века. В недавнее время чрезвычайно важные результаты, раскрывающие многие аспекты жизнедеятельности ариев были получены археологами Челябинска, Екатеринбурга, Тюмени. В частности, группа исследователей (Е.Н.Волков, О.Н.Корочкова, А.В.Матвеев, В.И.Стефанов и др.) сделали ряд весьма значимых открытий для постижения жизненных путей ариев в тюменском притоболье. Обнаруженные

археологические памятники вместе с памятниками соседних районов хорошо соотносятся с описанием мест пребывания ариев в древности, которые мы находим, в частности, в авестийском мифе об Йиме. Эта корреляция подсказывает гипотезу о переселении ариев из степей Приуралья не только на юг (в Среднюю Азию и далее в Индию), но в один из периодов их многочисленных миграций и в Нижнее Приобье.

Учёными разных стран проводится работа и с использованием методов гуманитарного исследования, теоретического познания, рационального мышления. Благодаря этому было сформулировано несколько весьма содержательных и эвристически плодотворных гипотез по проблеме происхождения ариев (Дж. Мэллори, К.Ф.Смирнов и Е.Е.Кузьмина, А.Парпола и др.). Эти гипотезы сходны в своей основной части, которой является признание прародиной индоиранцев степей Южного Урала и Зауралья. Поскольку в этом регионе преобладала андроновская культура, то гипотеза, являющаяся ведущей в этой группе гипотез, разработанная Кузьминой, именуется андроновской. Различия же гипотез подчёркивает многоаспектность данной проблемы, наличие многих нерешённых вопросов. Кузьмина проделала большую работу в своих книгах «Откуда пришли индоарии» и «Арии – путь на юг», стремясь обосновать отстаиваемую ею андроновскую гипотезу. При этом в качестве аргументов она привлекала и археологические материалы и когнитивную информацию из Ригведы и Авесты.

Данной группе гипотез противостоят так называемые анатolianские гипотезы, авторы которых считают прародиной всех индоевропейцев, в том числе и индоиранцев, малоазийскую Анатолию (археолог и лингвист Э.К.Ренфрю, лингвисты Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов). Эти гипотезы, модифицируя и развивая их, разделяют историк И.М.Дьяконов, археологи В.И.Сарианиди и С.А.Григорьев. Последний опирается на результаты археологических исследований не только на Южном Урале, где, как это доказано, арии бесспорно присутствовали в эпоху бронзового века, но и на археологические исследования в Малой Азии.

Поиском решения арийской проблемы интенсивно занимается и мифоведение. Оно привлекает подходы и методы таких дисциплин, как эпистемология, филология, герменевтика, семиотика, история, логика. Больших успехов в толковании текстов

Ригведы, Авесты и других первоисточников добились такие выдающиеся исследователи, как В.И.Абаев, М.Бойс, С.Бхаттачарджи, М.Витцель, Я.Гонда, Р.Н.Дандекар, С.У.Джемисон, И.М.Дьяконов, Ф.Б.Я.Кёйпер, Г.Людерс, А.Парпола, И.М.Стеблин-Каменский, П.Тиме, В.Н.Топоров и др. Большим научным результатом можно считать завершение Т.Я.Елизаренковой полного перевода на русский язык таких великих творений древней мысли, как Ригведа и Атхарваведа, что существенно облегчает российским исследователям работу с этими важнейшими источниками. Это также повышает эффективность проведения комбинированных исследований, т. е. таких, которые объединяют в себе двойной подход – использование как археологических материалов, так и текстов этих источников. Подобный подход применил, например, Стеблин-Каменский в своей статье «Арийско-уральские связи в мифе об Йиме». В ряде случаев в своих работах обращается к нему и Е.Е.Кузьмина, что позволяет ей более полно осмыслить те или иные археологические открытия, а с другой стороны, более адекватно истолковать те или иные мифические образы.

Очевидно, что исследования последнего времени привели к решению целого ряда проблем арийской тематики. Но, с другой стороны, состояние этих исследований и их результатов характеризуется большой стохастичностью. Для её преодоления требуется дальнейшая активная поисковая работа, а также деятельность теоретического мышления по обобщению и синтезу имеющихся результатов. Успешной попыткой в этом направлении можно считать капитальный труд Е.Е.Кузьминой «Арии – путь на юг». В нём обобщены и сведены в сложное единство многочисленные факты, гипотезы, теории, имеющиеся в составе современного ариоведения. Немало ещё остающихся нерешёнными проблем могут быть преодолены только при более полном учёте достигнутых результатов, при намерении опираться на мировой уровень данных исследований. Это предполагает, в частности, следующие поисковые действия: применение мультидисциплинарного подхода при решении многих проблем, а также комбинированного, когнитивно-информационного и других подходов; более скрупулёзное выявление информации из мифов для определения возможных направлений и объектов исследования с тем, чтобы как можно более полно выявлять информационный потенциал мифологии; поиск фундамен-

тальных признаков и закономерностей мифотворчества, что может способствовать более адекватному истолкованию мифических образов и сюжетов; привлечение к исследованию новых результатов различных направлений научного поиска; выработка новых взглядов на имеющиеся данные, выдвижение оригинальных идей и т. д. Подобные установки ориентируют исследователя, например, на глубокое осмысление крайне важных новых результатов, полученных археологами Тюмени, на расширение ареала жизненных путей ариев (не только на юг, но и на север) и т. д. Такая методологическая позиция способствует тому, что получаемые результаты оказываются адекватными мировому уровню.

Некоторые элементы методологии мифоархеологических исследований

Анализ работ по этой дисциплине позволил выявить ряд подходов и методов, которые используются в таких исследованиях. В числе подходов можно назвать следующие.

1. Полидисциплинарный подход. Он ориентирует на привлечение в данном исследовании таких наук, как история, археология, мифоведение, лингвистика, этнография, антропология, география, геология, климатология, ботаника и др.

2. Эпистемологический и когнитивно-информационный подход. Он необходим для понимания процессов мыслительной деятельности архаичных людей, запечатлённых в их мифологии, для интерпретации мифических образов и сюжетов, для извлечения из этих ментальных структур реалистической информации о тогдашней природной и социальной действительности, о творцах мифов, об их социуме.

3. Эволюционный, динамический подход. Он позволяет представить этот социум и его бытие в непрерывном изменении и развитии, выявить динамику происходящих в нём процессов, стадии прогресса и регресса в жизнедеятельности древнего народа.

4. Многофакторный подход. Он нацеливает на выявление и обстоятельное исследование самых разных субъектов социальной жизни этого народа, различных внутренних и внешних условий, сил и обстоятельств, оказывавших воздействие на их судьбу и жизненный путь.

5. Стохастический подход. Он предполагает принятие во внимание таких черт социальной и природной действительности, как недостаточная определённая характеристик тех или иных явлений, направлений и тенденций их развития, неоднозначную детерминированность этого процесса, присущую ему в той или иной мере стихийность и хаотичность, большую роль в происходящем столкновений и смешения разных сил и факторов, исчезновения одних из них и появления новых, в большей или меньшей степени отличных от предыдущих и т. д. Но несмотря на всю эту турбулентность указанных процессов, им присуща определённая логика. Выявление её хотя бы в какой-то степени является одной из задач данного проекта.

6. Логико-семантический подход. Он направлен на выявление специфических форм мысли в мифологических текстах, на взаимоотношение в них реалистического и вымышленного содержания, на определение гносеологической ценности мифических образов, на прямую и условную репрезентацию действительности и т. д. Все эти особенности мифологического мышления имеют большое значение для адекватного истолкования мифов.

Перечисленные подходы обладают значительной новизной, ориентированы больше, чем обычно, на исследование когнитивно-информационного аспекта мифов, а также на их соотнесённость с реальностью. Комплексное же применение данных подходов может способствовать большей интерпретационной продуктивности получаемых результатов.

Многоаспектность изучаемых явлений и мультидисциплинарный подход требуют применения целого ряда специальных методов. Значимым и в немалой степени оригинальным является привлекаемый исследователями набор методов. Они таковы.

1. Метод соотнесения мифических образов тех или иных объектов и явлений с современной научной информацией о последних. Он позволяет более или менее адекватно понять особенности восприятия и отображения древними людьми реальности, а тем самым и точнее постичь смысл этих образов.

2. Метод реконструкции прошлого по дошедшему до нас мифологическому содержанию путём редукции этого содержания к реалистическим элементам. Благодаря такой редукции возможно

осуществлять демифологизацию мифов, прибегая, например, к де-метафоризации, деидеализации, дегиперболизации и т. п. мифических образов.

3. Метод сопряжения (соединения, склеивания) вещественных и ментальных фрагментов изучаемых явлений, прежде всего археологических памятников и соответствующего содержания мифов. Это будет способствовать воссозданию целостных образов данных явлений, вобравших в себя информацию из разного рода источников.

4. Метод денотирования ментального содержания мифов, т. е. поиск в реальности адекватных денотатов, референтов этого содержания и тем самым раскрытие смысла данного содержания. Симметричным этому методу является его антипод – метод ментализации древних вещественных артефактов – археологических памятников, т. е. дополнение предметной, чувственно воспринимаемой информации комплементарными ей мысленными элементами – смыслом, назначением, генезисом и др.

5. Метод синтеза мифологической и научной информации для реконструкции событий прошлого.

6. И ещё один из самых важных методов исследования – метод предположительных, гипотетических решений проблем. Он неизбежен и в то же время весьма целесообразен и полезен в случае стохастических процессов, а также частой недостаточности информации. Такие решения эффективны, потому что они могут подсказать направления и области, где может быть отыскана дополнительная информация, а также нацелить на дополнительные познавательные операции.

Охарактеризованные выше методологические средства применяются как при исследовании сочинений индоиранских мифотворцев, так и при анализе и осмыслении процесса научного познания жизненных путей ариев, при обобщении и синтезе наиболее значимых результатов этого познания. Эти методы имеют междисциплинарную природу, поскольку объединяют в себе операции с материалом из разных областей знания, из разных сфер социальной и природной действительности.

Примечания

- ¹ Приведу значения встречающихся в гимне имен и названий: Тваштар – бог-создатель всех форм во Вселенной, живых и неживых. Сома – опьяняющий напиток, получаемый посредством выжимания из одноименного растения. Ваджра – дубина грома, мощное оружие Индры. Ману – мифический правитель людей.
- ² Ригведа цитируется по изданию: Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989; Мандалы V–VIII. М., 1995; Мандалы IX–X. М., 1999. Пер. Т.Я.Елизаренковой.
- ³ *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987. С. 239.
- ⁴ *Кёйнер Ф.Б.Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 28.
- ⁵ *Luders H.* Varuna. I. – Gottingen. 1951. S. 170.
- ⁶ *Кёйнер Ф.Б.Я.* Цит. соч. С. 122.
- ⁷ Там же. С. 28–30, 125.
- ⁸ *Норман Браун У.* Индийская мифология // Мифологии Древнего мира. М., 1977. С. 288–290.
- ⁹ Хтонический – от греч. chthon – земля.
- ¹⁰ Цит. по изд.: Авеста в русских переводах / Пер. И.М.Стеблина–Каменского. М., 1998.
- ¹¹ Подборка и анализ этих сведений имеется в работе выдающегося российского востоковеда В.В.Бартольда «Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи...» 1902 г. См.: *Бартольд В.В.* Соч. Т. III. М., 1965. С. 23–55.
- ¹² *Бируни Абу Рейхан.* Избр. произведения. III. Геодезия. Ташкент, 1966. С. 95–96.
- ¹³ См.: *Итина М.А.* К 90-летию С.П.Толстова и 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (www.rhpentextnn.ru/history/archaeology/expedition/tolstov).
- ¹⁴ См.: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. Истории формирования и заселения. М., 1960; *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; *Итина М.А.* История степных племен южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н. э.). М., 1977; *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовьев Амударьи. М., 1986; Древности южного Хорезма / Отв. ред. М.А.Итина. М., 1991.
- ¹⁵ См., например: *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977; *Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Сов. археология. 1977. № 4. С. 53–73; *Членова Н.Л.* Археологические материалы к вопросу об иранцах до скифской эпохи и индоиранцах // Сов. археология. 1984. № 1. С. 88–103; *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск, 1992; *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994; *Кузьмина Е.Е.* Арии – путь на юг. М., 2008; Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара, 1995; *Членова М.Л.* Проблема прародины иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий // Россия и Восток: проблемы взаимо-

- действия. Ч. V. Кн. 1. Челябинск, 1995. С. 177–184; *Стеблин-Каминский И.М.* Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V. Кн. 1. Челябинск, 1995. С. 166–167; *Григорьев С.А.* Синташта и арийские миграции в II тысячелетии до н. э. // **Новое в археологии Южного Урала**. Челябинск, 1996. С. 78–96; *Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.
- ¹⁶ См.: *Итина М.А.* История степных племен южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н. э.); *Виноградов А.В.*, *Итина М.А.*, *Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовий Амударьи.
- ¹⁷ Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. С. 131.
- ¹⁸ *Толстов П.С.* По древним дельтам Окса и Яксарта. С. 54.
- ¹⁹ *Piccardi L.*, *Masse Bruce W.* Myth and geology. L., 2007; *Кривошеев С.* Море волнуется... // *Итоги*. 2007. № 5. С. 77–79.

References (transliteration)

- Avesta v russkikh perevodakh*. M., 1998. Per. I.M.Steblina-Kamenskogo.
- Bartold V.V.* Sochineniya. T. III. M., 1965. S. 23–55.
- Biruni Abu Reihan. *Izbrannyye proizvedeniya*. III. Geodeziya. Tashkent. 1996. S. 95–96.
- Itina M.A.* Istoriya stepnykh plemen uznogo Priaralia (II – nachalo I tysiacheletiya do n.e.). M., 1977.
- Chlenova N.L.* Arheologicheskiye materially k voprosu ob irancah do skifskoi epohi i indoirancah // *Sovetskaiya arheologiya*. 1984. № 1. S. 88–103.
- Gening V.F.*, *Zdanovich G.B.*, *Gening V.V.* Sintashta: arheologicheskiye pamiatniki ariyskikh plemen uralo-kazahstanskih stepei. Cheliabinsk. 1992.
- Grigoriev S.A.* Drevnie indoevropeicy: Opyt istoricheskoi rekonstrukcii. Cheliabinsk. 1999.
- Keiper F.B.J.* Trudy po vedyiskoy mifologii. – M., 1986. – S. 28.
- Kuzmina E.E.* Arii – put na iug. M., 2008.
- Luders H.* *Varuna. I.* – Gottingen. – 1951. – S. 170.
- Rigveda*. Mandaly I–IV. M., 1989; Mandaly V–VIII. M., 1995; Mandaly IX–X. M., 1999. Per. T.J.Elizarenkovoy.
- Nizovyya Amudaryi, Sarykamys, Uzboi. *Istoriya formirovaniya I zaseleeniya*. M., 1960.
- Norman Braun U.* Indyiskaya mifologiya // *Mifologii Drevnego mira*. M., 1977. S. 288–290.
- Piccardi L.*, *Masse Bruce W.* Myth and geology. L., 2007.